

типной собирательской деятельности почти в течение столетия, во многих частях описанный ее членами и сотрудниками, стал Архивом Ленинградского отделения Института истории АН СССР и теперь успешно действует в качестве Архива ЛОИИ СССР АН СССР, предоставляя исследователям ценнейшие источники по отечественной и всеобщей истории.

Оценивая значение Археографической комиссии, конечно, недостаточно отметить, что она явилась историческим предшественником современного исторического учреждения. Из приведенного выше обзора изданий Комиссии и ее деятельности видно, что она была ведущим научным учреждением XIX в. в области истории России. Комиссия ввела в научный оборот огромное количество первоклассных источников. Ее издания (более 250 томов) явились базой развития исторической науки. Как учреждение официальное Комиссия контролировалась правительством: цензура — общая и духовная — следила за ее изданиями, не допуская к печати документы, компрометирующие правительство и церковь. Однако общий комплекс источников, собранных Комиссией в ее архиве и опубликованных в ее изданиях, настолько обширен и разнообразен, что позволяет глубоко изучить и политическую, и социально-экономическую, и культурную историю России. Дворянско-буржуазные историки с присущих им классовых позиций интерпретировали эти источники, создавая труды как общего характера, так и по отдельным проблемам. Используются они и советскими историками, изучающими историю России с марксистско-ленинских позиций.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ, Л. Н. СЕМЕНОВА

ПРОБЛЕМЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ТРУДАХ К. Н. СЕРБИНОЙ

Одним из важнейших аспектов многогранной научной деятельности К. Н. Сербиной являются ее работы в различных областях источниковедения. Интерес Ксении Николаевны — теоретический и практический — к источниковедению не случаен. Он во многом определился особенностями ее научной биографии, становлением ее облика как одного из ведущих советских специалистов в области изучения феодальной Руси.

Перед революцией в Петроградском университете сложилась школа источниковедения, которая заняла достойное место в мировой науке. Ее представителями были А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Е. Пресняков, С. Ф. Платонов. Школа привлекала талантливую молодежь из разных концов страны. Решающее влияние на формирование научных интересов К. Н. Сербиной оказало знакомство с исследованием М. Д. Приселкова. Будучи студенткой Винницкого института на-

родного образования, К. Н. Сербина прочла книгу М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» и решила, что обязательно будет учиться у Михаила Дмитриевича в Петроградском университете. Через два года Ксения Николаевна уже занималась в семинаре М. Д. Приселкова, посвященном русским летописям. Занятия проходили как в университетских аудиториях, так и дома у М. Д. Приселкова: раз в неделю К. Н. Сербина и ее однокурсник Г. Л. Гейерманс приезжали к профессору домой, часами читали и анализировали летописные тексты. Михаил Дмитриевич терпеливо и настойчиво прививал ученикам навыки научного исследования, раскрывая перед ними свою творческую лабораторию. В то время Приселков был увлечен изучением Лаврентьевской летописи и студенты имели возможность знакомиться не только с результатами его труда, но и наблюдать, как сложен процесс поисков истины. М. Д. Приселков учил понимать летопись в контексте конкретной истории. Работа захватила все помыслы ученицы. Отправляясь на зимние каникулы в Винницу, вспоминает К. Н. Сербина, «я не поленилась привезти с собой толстый том Лаврентьевской летописи с тем, чтобы читать его в новогоднюю ночь». 1925 год Ксения Николаевна закончила за чтением летописи и присоединилась к своим близким, сидевшим за новогодним столом, лишь тогда, когда часы пробили 12. «Мне шутя предсказывали, что теперь я не выпущу летопись из рук в наступившем году, и я наивно верила этому. Уловки не помогли. Прошло 10 лет после окончания Университета, прежде чем я вернулась к летописям и взялась за издание Архангелогородского летописца». В процессе этой работы Ксения Николаевна постоянно пользовалась советами и поддержкой М. Д. Приселкова, показывала учителю план издания и по его замечаниям перерабатывала текст статьи. Работу прервала война. Исследование об Устюжском летописном своде вышло в свет только в 1946 г., а издание текста — лишь в 1950 г.

К. Н. Сербина всегда относилась с исключительным уважением и любовью к памяти своего учителя. М. Д. Приселков совершил подлинный научный подвиг, реконструировав текст утраченной Троицкой летописи. Но он не успел опубликовать работу. Дело публикации его исследования выпало на долю Ксении Николаевны, которая подготовила текст к печати, и в 1950 г. основной труд жизни М. Д. Приселкова был издан под редакцией его ученицы.

* * *

В конце 1930 г. К. Н. Сербина, заполняя графу «основная профессия и специальность», записала: «вспомогательные исторические дисциплины (археография, дипломатика, историческая география)».

Одним из основных направлений научной деятельности К. Н. Серибиной с середины 30-х годов стало летописеведение.

В творчестве ее как летописевода можно отметить два основных направления. Одно из них носит общелетописеведческий характер. Это подготовка к изданию текста летописных памятников, рецензирование трудов по летописеведению, участие в работе редколлегии сборника «Летописи и хроники». Другое — специальное, углубленное исследование одной из важнейших групп русских летописей — летописных памятников главным образом северного происхождения. Для оценки деятельности ученого как специалиста по русскому летописанию представляют интерес оба направления, и характерно их сочетание: в них Ксения Николаевна выступает в качестве и практика-археографа, и исследователя-летописевода.

Практическая деятельность К. Н. Сербиной в области издания русских летописей началась, как уже было отмечено, в 1936 г. работой по подготовке к изданию Архангелогородского летописца. В дальнейшем ею готовятся к изданию и редактируется т. 28 Полного собрания Русских летописей, в составе которого впервые увидели свет такие ценнейшие летописные памятники, как Прилуцкая летопись (Свод 1497 г.) и Уваровская летопись (Свод 1518 г.).¹ Обе летописи относятся к числу основных источников по истории нашей страны, особенно периода образования единого Русского государства, и после своего опубликования нашли самое широкое использование во всех исследованиях по этому периоду, а также в специальных летописеведческих работах.

В составе т. 33 Полного собрания Русских летописей исследователем осуществляется первое научное издание Двинского летописца.² Этот памятник был известен специалистам только в старых, неисправных изданиях по ограниченному числу списков. Если последний издатель Летописца А. А. Титов (1889 г.) пользовался четырьмя списками, то публикация К. Н. Сербиной сделана по 14 спискам в двух редакциях, каждая из которых издана отдельно. В издании Двинского летописца были полностью использованы приемы передачи текста, выработанные новейшей советской археографией и дающие исследователю максимально возможное представление о памятнике. В этом же томе, включающем также Холмогорскую летопись, подготовленную к печати Я. С. Лурье и Ю. А. Лимоновым, Ксения Николаевна выступила в качестве редактора.

Под редакцией К. Н. Сербиной вышел также т. 37 Полного Собрания, включивший устюжские и вологодские летописи (последние подготовлены к печати Н. А. Казаковой).³ Новое издание устюжских летописей, пожалуй, наиболее крупная археографическая работа исследователя в области летописеведения. О масштабах проделанной ею работы можно судить хотя бы по тому факту, что к изданию устюжских летописей в составе ПСРЛ Ксения Николаевна привлекла в общей сложности более тридцати

¹ ПСРЛ, М.; Л., 1963, т. 28.

² Двинский летописец. — ПСРЛ, М.; Л., 1977, т. 33, с. 148—221.

³ ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи. Л., 1982.

списков трех памятников: Устюжской общерусской летописи (две редакции), Устюжского местного летописца XVII в. (две редакции) и Летописца конца XVIII в. Л. Вологодина. Устюжский местный летописец опубликован впервые (с использованием восьми списков), а Летописец Вологодина впервые издан по подлинной рукописи 1765 г. Наибольшее значение имеет впервые предпринятая публикация первой редакции Устюжской общерусской летописи по единственному списку (Мацеевича). Издание Устюжских летописей в т. 37 Полного собрания — крупное достижение советского летописеведения. Осуществление этого издания стало возможным в результате многолетней археографической деятельности К. Н. Сербиной в области севернорусского летописания. Если практический результат этой деятельности отразился в подготовке и публикации текстов летописей на основе новейших достижений советской археографии, то весьма плодотворным результатом исследования самих этих текстов является монография исследователя «Устюжское летописание XVI—XVIII вв.». Научная общественность с большим интересом ожидает выхода в свет этого историко-летописеведческого исследования. Не меньший интерес вызывает и новейшая работа — предпринятое ею в настоящее время исследование Типографской летописи с привлечением ряда новых списков.

Конкретное изучение списков и подготовка летописей к изданию, т. е. собственно археографическая работа, сочетаются в творчестве К. Н. Сербиной с исследованием содержания летописей по существу — и в этом одна из характерных черт ее летописеведческого метода. Для нее летопись — памятник, представляющий интерес и ценность не только сам по себе как таковой, но прежде всего как источник для реконструкции реальной исторической действительности. В таком взгляде на летописи находят свое выражение лучшие традиции дореволюционной и советской летописеведческой школы, представленные именами таких исследователей, как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов и др., и исключают по существу возможность формального подхода к трактовке летописного текста.

Готовя к изданию Уваровскую летопись, К. Н. Сербина подвергает тщательному палеографическому и кодикологическому анализу сборник № 645 Синодального собрания, содержащий один из двух известных списков этой летописи.⁴ Результаты этого анализа позволили, во-первых, уточнить время составления списка Уваровской летописи (1544—1547 гг.) и, во-вторых, высказать вполне вероятное предположение, что автором приписок о событиях 1530—1540-х годов является один из князей Оболен-

⁴ Сербина К. Н. О происхождении сборника № 645 Синодального собрания Государственного Исторического музея. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 237—240.

ских — участников мятежа Андрея Старицкого 1537 г.⁵ Перед нами — образец кодикологического исследования, приводящего к выводам конкретно-исторического характера.

Существенной вехой в исследовании Уваровской летописи в процессе подготовки к ее изданию стала работа ученого «Летописный свод 1518 г.»⁶ Автор всесторонне и тщательно изучает оба сборника, в которых сохранились списки летописи, и приходит к важным выводам. На основе сравнительного текстологического анализа ею устанавливаются источники Уваровской летописи («Свода 1518 г.») и ее место в системе русского летописания XV в. Непосредственным источником Уваровской летописи К. Н. Сербина — вслед за А. А. Шахматовым, М. Н. Тихомировым и А. Н. Носоновым — считает общерусский свод 1484 г., который был дополнен записями, сделанными при митрополичьей кафедре.⁷ Ксения Николаевна не ограничилась анализом текстологических связей Уваровской летописи, но поставила вопрос о характере ее содержания по существу. По ее мнению, Уваровская летопись была составлена между 1525 и 1530 гг. лицом, близким к бывшему митрополиту Симону и, возможно, по замыслу последнего.⁸ К этой мысли автор приходит на основе анализа известий летописи за последние десятилетия XV в. Итак, в изучении Уваровской летописи К. Н. Сербина проявила себя как последовательный сторонник шахматовско-приселковской методики в летописеведении. Она полностью владеет техникой палеографического, текстологического и кодикологического исследования, которое у нее органически сочетается с анализами летописных известий по существу — и именно этот анализ позволяет ставить и в какой-то степени решать основные вопросы, связанные с историей летописного текста.

Не менее содержательны исследования К. Н. Сербиной, посвященные Двинскому летописцу.⁹ Первой стадией ее работы было определение номенклатуры списков этого памятника. Всего ею установлено существование 18 списков, из которых четыре остались не разысканными, а остальные были исследованы и использованы ею при издании Летописца. Все известные ей списки были разделены на две редакции — краткую и пространную. Исследователь установила время составления первой (Краткой) редакции — это 80-е годы XVII в., после образования в 1682 г. Холмогорской епархии. Краткая редакция, по К. Н. Сербиной, составлена по заказу первого холмогорского архиепископа Афанасия как своего рода историческая справка о новой епархии. «Место составления — Холмогоры, воеводская канцелярия» — свет-

⁵ Там же, с. 241.

⁶ Сербина К. Н. Летописный свод 1518 г. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963, с. 587—608.

⁷ Там же, с. 606.

⁸ Там же, с. 607—608.

⁹ Сербина К. Н. Двинский летописец. — Вспом. ист. дисциплины. Л., 1973, т. V, с. 196—219.

ского автора выдает язык, стиль, номенклатура известий.¹⁰ Одним из источников Краткой редакции послужила общерусская летопись, близкая к Вологодско-Пермской и имевшая промосковскую ориентацию.¹¹ В качестве характерных черт Двинского летописца ею отмечены «деловитость и достоверность сообщаемых известий».

Весьма интересны наблюдения К. Н. Сербиной над Пространной редакцией Летописца. Первый вариант этой редакции появился в последние годы XVII в. как результат переработки и дополнения Краткой редакции, причем особое внимание уделяется Петру Великому и его деятельности по созданию русского флота. Это время — время архиепископства Афанасия (1682—1702 гг.), активного соратника Петра Великого, «несомненно было временем оживленной литературной деятельности на Холмогорах»,¹² тесно связанной с общим культурным подъемом всей страны в эпоху петровских преобразований. Второй вариант Пространной редакции, составленный в 50-е годы XVIII в. в Архангельске, отражает упадок двинского летописания, проявившийся в исчезновении широкой исторической перспективы и преобладании местных мелких интересов.

Исследование Двинского летописца — несомненная творческая удача К. Н. Сербиной и важный этап в становлении ее как одного из ведущих летописеведов. Это пример сочетания собственно летописеведческого изучения памятника с постановкой широких исторических проблем.

Как уже говорилось, наибольшее внимание исследователь уделяет изучению устюжских летописей. Наиболее весомый результат этого изучения — издание текстов устюжских летописей и принятая к изданию монография. Результаты изучения устюжских летописей отразились также в статьях, опубликованных Ксенией Николаевной.

Одна из этих статей посвящена обзору списков Устюжских летописей.¹³ Несмотря на свою краткость, можно даже сказать, лапидарность, эта статья содержит весьма интересные сведения и наблюдения, позволяющие уточнить представление о творческом методе К. Н. Сербиной как летописевода. Давая общую характеристику устюжскому летописанию, автор отчетливо различает два типа устюжских летописей — общерусский и местный — и кратко останавливается на особенностях каждого из них. История устюжского летописания ею прослежена до начала XX в., когда К. Н. Брагиным был составлен последний известный «Летописец града Великого Устюга». Нельзя не согласиться с исследователем, что «возможность наблюдать летописание одного летописного центра... в течение четырех веков представляет исключительный

¹⁰ Там же, с. 205.

¹¹ Там же, с. 207—208.

¹² Там же, с. 214.

¹³ Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI—XIX вв. (Краткий обзор списков). — Там же, Л., 1979, т. XI, с. 42—48.

интерес» и что «ни в одном из центров Севера мы не имеем такого обилия летописей», как в Устюге.¹⁴ Эти высказывания служат своего рода итогом многолетней работы над историей устюжского летописания и вместе с тем — проспектом обобщающего монографического исследования на эту тему.

Как уже неоднократно подчеркивалось, одна из основных черт К. Н. Сербиной — летописевода — подход к летописи не как к самодовлеющему феномену «вещи в себе», но прежде всего как к источнику для реконструкции исторической действительности. Этот подход ярко проявился, в частности, в статье о восстаниях в Устюге Великом в XVI и XVII вв.¹⁵ На основе изучения всех списков Устюжского летописца автор приходит к важному и поучительному выводу: восстание в Устюге в 1549 г., о котором писали многие исследователи, опираясь на Великоустюжскую летопись, изданную А. А. Титовым,¹⁶ в действительности не имело места.¹⁷ Каким же образом возникла историографическая легенда об этом восстании? Источником ее послужили сведения, содержащиеся в списках Летописца Вологодина, составленного в 1765 г., но отсутствующие в более ранних устюжских летописях. Само же известие о мнимом восстании 1549 г. в Летописце Вологодина представляет собой искаженный пересказ известия о восстании устюжан 9 июля 1649 г., читающегося в обеих редакциях местной устюжской летописи (первая редакция — 1677 г., вторая — 1746 г.). В этом известии устюжский летописец, стремясь обелить жителей своего города и показать их лояльность, дает историческую справку об участии устюжан в походах на Казань, Югру, Вятку и на новгородцев, которых «во едино началие претворил... великий государь царь и великий князь Иван Васильевич». Анализируя это последнее известие, К. Н. Сербина приходит к бесспорному выводу, что в нем речь идет о событиях второй половины XV в. и что «великий государь... Иван» этого известия — Иван III, при котором эти события произошли. Летописец XVII в., современник восстания 1649 г., называет Ивана III «царем», что, строго говоря, неверно, но тем не менее довольно употребительно в литературе XVI и последующих веков. Вологдин же, «встретив в своем источнике имя „царя“ Ивана Васильевича... не только приписал ему и усмирение устюжан, но и превратил Ивана III в Ивана IV» (присвоив ему традиционный эпитет «Грозный»), а так как Иван IV не мог «усмирять» устюжан в 1649 г., то и дату восстания Вологдин «исправил» на 1549 г.¹⁸

Так сочетание тонкого и всестороннего исследования летописей и в текстологическом, и в собственно историческом аспектах позволило не только вскрыть методы работы составителя позднего

¹⁴ Там же, с. 47.

¹⁵ Сербина К. Н. Устюжские летописи о восстаниях в Устюге Великом в XVI—XVII вв. — Там же, Л., 1981, т. XII, с. 60—66.

¹⁶ Титов А. А. Летопись великоустюжская. М., 1889, с. 47.

¹⁷ Сербина К. Н. Устюжские летописи о восстаниях..., с. 61—62.

¹⁸ Там же, с. 65.

Летописца, но и разоблачить историографическую легенду и тем самым сделать значительное открытие, уточнив представление о событиях середины XVI в.

Деятельность К. Н. Сербиной как летописевода — исследователя и археографа — вносит большой вклад в отечественное летописеведение. В ее творчестве — образец сочетания тонкого аналитического подхода с постановкой широких источниковедческих и собственно исторических проблем.

* * *

В 20-е годы в университете работали ученики А. С. Лаппо-Дашлевского С. Н. Валк, А. И. Андреев и др. К. Н. Сербина прослушала у А. И. Андреева курс дипломатики и археографии, занималась в его семинаре по дипломатике. В семинаре делались доклады об отдельных разновидностях актов, студенты подвергали акт дипломатическому анализу, определяя ценность его как исторического источника. После окончания университета Ксения Николаевна получила от А. И. Андреева, бывшего одновременно ученым секретарем Историко-археографической комиссии АН СССР, предложение работать в Комиссии. Председателем ее был тогда С. Ф. Платонов. Комиссия сталкивалась с большими трудностями. Необходимо было перестроить ее работу, превратить ее из комиссии, работающей «на общественных началах», в научное учреждение с постоянным штатом сотрудников и определенным планом работы. Президиум Академии наук выделил Комиссии несколько ставок, на которые были зачислены молодые историки Н. С. Чаев, Р. Б. Мюллер, А. П. Глаголева, Г. Л. Гейерманс. 2 февраля 1927 г. начала работать и К. Н. Сербина.

Прежде всего А. И. Андреев наладил работу по разбору и описанию актового материала, имевшегося в Комиссии. Каждый из новых сотрудников получил определенный фонд. Ксении Николаевне достался фонд Якутской воеводской избы. Молодая сотрудница прошла через все ступени работы историка, начав с разборки фонда и описания документов. Приобретенный в те годы опыт архивной деятельности помог Ксении Николаевне усовершенствовать работу архива ЛОИИ АН СССР, возглавляемого ею в 60—80-е годы.

Советская историография истории СССР периода феодализма переживала процесс становления. Чтобы выявить характерные особенности русского феодализма, надо было исследовать прежде всего основополагающие процессы социально-экономического развития русского общества. Для этого необходимо было ввести в научный оборот исторические источники по социально-экономической истории, прежде почти не изучаемые исследователями.

Археографическая работа получила в те годы небывалый размах. Историко-археографическая комиссия, переименованная в 1931 г. в Историко-археографический институт, поставила своей задачей издание документов по экономической истории СССР,

истории классовой борьбы и истории народов СССР. Основным предприятием Института явилось издание серии документов под названием «Крепостная мануфактура в России» (Л., 1930—1934, т. I—V). По истории классовой борьбы были изданы том, посвященный «разгрому Разинщины» (Л., 1934), и том «Булавиное восстание» (Л., 1935). Во всех названных публикациях К. Н. Сербина принимала самое активное участие, выступая вначале как один из составителей сборников, а вскоре как археографический редактор их. Ею подготовлен к печати совместно с Н. Г. Богдановой, В. Г. Гейманом и другими том первый «Крепостной мануфактуры» — «Тульские и каширские заводы» (Л., 1930. 503 с.), подготовлен совместно с Р. Б. Мюллером том третий «Крепостной мануфактуры» — «Дворцовая полотняная мануфактура XVII века» (Л., 1932. 382 с.). Тома «Социальный состав рабочих первой половины XVIII века» (Л., 1934. 198 с.) и «Московский суконный двор» (Л., 1934. 255 с.) отредактированы К. Н. Сербиной совместно с Б. Д. Грековым и С. Г. Томсинским. К. Н. Сербина вместе с Н. Г. Богдановой и И. В. Мешалиным подготовила к печати публикацию «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX века» (Л., 1935. 427 с.). Под редакцией К. Н. Сербиной и В. Г. Геймана вышла публикация «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» (Л., 1936. 280 с.). Прделанная работа была громадной по объему. Трудности ее заключались и в том, что издаваемые документы «относились к самым разнообразным временам истории СССР и к истории разных народов СССР», а также в том, что Институт сделал ряд попыток пойти по некоторым новым путям издания документов, до сих пор в русских изданиях не применявшимся. Естественной должна была показаться для Историко-археографического института попытка подвести некоторый итог этим работам и вместе с тем точнее определить их приемы.¹⁹ В 1936 г. были опубликованы правила издания документов XVI—XVII вв., выработанные Б. Д. Грековым, В. Г. Гейманом, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербиной, Н. С. Чаевым. В качестве «основы и отправного пункта», как писали составители, для них явились «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономики». Эти правила впервые разрешали вопросы издания исторических документов XVI—XVII вв. по новой орфографии. «Богатый практический опыт дал возможность составителям правил предусмотреть все основные и повторяющиеся в разных видах трудности такого перевода старой московской орфографии на новую, советскую. Другим новым в этих правилах разделом был раздел, посвященный „сокращенной передаче текста“».²⁰ Дореволюционная археография находила выход при издании источников, сохранившихся в большом числе, в выборочном их издании. Историко-археографический институт впервые предпринял «из-

¹⁹ См.: Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948, с. 64.

²⁰ Там же, с. 65.

дание документов в сокращенном виде, путем регест или путем сводки данных документов в виде таблиц. Составленные Институтом правила впервые у нас попытались установить пределы и приемы такого рода работы». ²¹ «Правила издания документов XVI—XVII вв.» стали заметной вехой в развитии советской археографии. Основанные на результатах работы советских археографов, достигнутых к середине 30-х годов, они проложили путь будущему советской археографии. Большие задачи, стоящие перед молодой советской наукой, способствовали появлению научных коллективов, состоящих из молодых, талантливых, увлеченных творчеством ученых. В напряженной плодотворной работе в коллективе единомышленников быстро росла квалификация Ксении Николаевны. К середине 30-х годов это — уже самостоятельный ученый, выполнивший ряд сложных работ по археографии и исторической географии.

К. Н. Сербина продолжала археографическую работу и в дальнейшем. Источники, издаваемые ею, становятся все более разнообразными. Наряду с источниками по социально-экономической истории, классовой борьбе ею издается замечательный литературный памятник XV в. «Хождение за три моря Афанасия Никитина» (М.; Л., 1948). Расширились хронологические рамки документов, издаваемых Ксенией Николаевной. В 1960 г. увидела свет капитальная публикация «Положение рабочих Урала во второй половине XIX—начале XX в.» (666 с.), подготовленная ею совместно с И. А. Баклановой и И. П. Шаскольским. Как и все подготовленные с ее участием издания, этот труд был высоко оценен критиками. ²²

Научные интересы К. Н. Сербиной отличаются исключительным разнообразием и широтой. С начала 30-х годов началась ее работа в области исторической географии. Еще на студенческой скамье ее заинтересовала такая редкая специализация, как историческая картография. Работая в семинаре К. В. Кудряшова, Ксения Николаевна получила задание составить карту «Хождения Афанасия Никитина за три моря» и в поисках необходимых картографических материалов обратилась к «Книге Большому Чертежу». Историки признавали, что среди источников по исторической географии России феодального периода «Книга» выделялась богатством содержания. Тем не менее она оставалась кладом за семью замками до тех пор, пока не стала предметом специального историкогеографического анализа. К. Н. Сербина изучала «Книгу» примерно с 1928 г., однако работа была вскоре прервана и возобновилась только после войны. Исследования Ксении Николаевны «„Книга Большого Чертежа“ и ее редакции» и «Источники „Книги Большого Чертежа“» предшествовали изданию самого памятника (М.; Л., 1950. 228 с.). В этой работе ею были блестяще применены методы текстологического анализа, разрабо-

²¹ Там же, с. 65—66.

²² Ист. архив, 1961 г., № 4.

танные ее учителем М. Д. Приселковым. Подвергнув изучению более сорока рукописей этого памятника, К. Н. Сербина сумела установить их связь и тем самым дать ключ к истории его традиции и решению первейшего источниковедческого вопроса — о тексте «Книги». Ею дана обстоятельная характеристика этого памятника как историко-географического источника и осуществлено подлинно научное издание, отвечающее самым строгим правилам археографии. Большое исследование, посвященное одному из важнейших историко-географических источников древней Руси, стало подлинным вкладом в развитие исторической географии. На протяжении тридцати последних лет истории неизменно обращались к этому изданию для решения самых разнообразных вопросов, связанных с изучением местонахождения разных поселений, границ, локализации исторических событий XVI—XVII вв. и более отдаленных периодов, с уточнением топонимики и т. д. В русле занятий исторической географией лежит и ее глава в «Очерках истории Ленинграда» — «Историко-географический очерк района Петербурга до основания города».

В связи с работами в области исторической географии находится большая картографическая работа К. Н. Сербиной. Карты, составившиеся ею на протяжении пятидесяти лет, относятся к экономической и социальной истории феодальной России, истории народов СССР. В начале 30-х годов эта область исторического знания была белым пятном. Издания Историко-археографического института неизменно включали в себя составленные Ксенией Николаевной карты и планы. В 30-е годы ею составлено 11 карт: Карта железных заводов средней полосы России во второй половине XVII в. (Л., 1930); Карта Олонечких медных и железных заводов (Л., 1934); карта «Вотчины Б. И. Морозова и пути вывоза из них» (Л., 1933); карта «Разишчина в Нижегородском крае»; карта Булавинского восстания (Л., 1935); Карта Сибири XVI—XVII вв. (до 1618 г.) (Л., 1937); Карта Сибири первой половины XVII в. (Л., 1941). Продолжала составлять карты К. П. Сербина и в послевоенное время — карты к «Хождению за три моря Афанасия Никитина» (М.; Л., 1948) и т. д. Интересными, содержательными картами снабдила Ксения Николаевна свои монографии по истории русского города и крестьянской железодельной промышленности («Карта центров крестьянской промышленности района, вовлеченного в Тихвинскую торговлю XVII в.», карта «Торговые связи тихвинцев внутри Русского государства и вне его в XVII в.» и др.). Составленные ею карты отличаются редкой тщательностью и полнотой.

Работа над изданием документов по социально-экономической истории пробудила интерес К. Н. Сербиной к этой области исторического знания. Изучение социально-экономической истории и истории классовой борьбы являлось магистральным направлением советской историкографии 30-х годов. Б. Д. Греков, последовательно применявший марксистско-ленинское учение об экономических формациях при изучении русского феодализма, посо-

ветовал Ксении Николаевне заняться историей крестьян и с этой целью порекомендовал обратиться к документам огромного и никем еще не изученного Тихвинского фонда. Это был один из самых крупных фондов Археографической комиссии, вовсе не описанный и даже не разобранный. С 1933 г. Ксения Николаевна знакомялась с документами нового фонда и обнаружила, что фонд содержит материалы не только о крестьянах, но и о посадских людях, ремесле, торговле. Появилась возможность проследить на огромном фактическом материале, охватывающем несколько веков, перерастание деревни в город, превращение деревенского населения в горожан. Б. Д. Греков одобрил новую тему, и К. Н. Сербина стала собирать материал для ее написания. В результате напряженнейшего труда ей посчастливилось обнаружить документы исключительного значения. Среди русских городов допетровской Руси только один владельческий город — посад Тихвинского монастыря — освещен архивными материалами с достаточной полнотой.

Работа над будущей книгой протекала в тяжелых условиях. Началась Великая Отечественная война. Из сотрудников Ленинградского отделения Института истории АН СССР умерло от голода не менее 26 человек. Ксения Николаевна была единственным сотрудником, оставшимся в институте в продолжение всей блокады. В страшные блокадные дни, измученная голодом, холодом, обстрелами, К. Н. Сербина приходила на работу — дежурила по зданию, участвовала в оборонных работах, в заготовке дров для детских садов и госпиталей, в уборке города и т. д. Ксения Николаевна сумела сохранить документы ценнейшего архива ЛОИИ, сохранить рукописи работ сотрудников и другое имущество Института и, кроме того, помогала в работе сотрудникам ЛОИИ, находившимся в Ташкенте и не имевшим книг. 21 марта 1943 г. Президиум АН СССР возложил на К. Н. Сербину обязанности уполномоченного Ленинградского отделения Института истории.

Несмотря на лишения и страдания, сидя в промерзшей, темной комнате, в пальто, валенках, шапке, при свете коптилки Ксения Николаевна работала. К началу войны ею уже были прочитаны, отобраны и вчерне обработаны архивные документы, поэтому не надо было обращаться к фонду, который стал недоступен, будучи укрыт в цокольном помещении Библиотеки АН СССР. В течение всей войны К. Н. Сербина занималась обработкой отобранного материала и написанием отдельных глав задуманной монографии, контуры которой постепенно вырисовывались все отчетливее и отчетливее. С возникновением объединения ученых гуманитарного профиля, которым руководил Ю. П. Францев, Ксения Николаевна стала участвовать в собраниях этого объединения, проходивших в подвале Института этнографии АН СССР, и выступила с докладом «Оборона Тихвина от шведов в начале XVI в.». За работу в годы блокады Ксения Николаевна была удостоена высокой правительственной награды — ордена Красной Звезды.

В 1948 г. К. Н. Сербина защитила диссертацию «Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв.» и получила степень доктора исторических наук. В 1951 г. книга вышла в свет. Это было первое монографическое исследование по истории русского города XVI—XVIII вв. Ученым был выяснен ряд существеннейших вопросов из истории происхождения и развития древнерусских городов. «Очерки» разрешали, по заключению С. В. Бахрушина, ряд широких общих вопросов, связанных с двумя важнейшими историческими проблемами — возникновением русского феодального города и зарождением всероссийского рынка. Заслуга К. Н. Сербиной была тем более велика, что вопрос о генезисе русского города совершенно почти не был затронут советской историографией. В работе на огромном материале показано превращение сельского поселения в торгово-промышленный город, исследованы все стороны процесса образования города в условиях феодального строя. В результате громадной, проделанной с большой точностью работы было доказано, что представление о замкнутости отдельных районов Московского государства в XVII в. ошибочно. Книга содержит ценные наблюдения относительно формирования купечества, о развитии отхожих промыслов и т. д. Автором было показано, что степень разделения труда в XVII в. была гораздо глубже, чем полагали прежде. Впервые произведено углубленное изучение русского феодального ремесла XVII в. Процессы экономического развития изучены ею в динамике, на протяжении двух-трех столетий. Такой подход позволил автору отчетливо показать изменения, происходившие во второй половине XVII в.

В «Очерках из социально-экономической истории русского города» К. Н. Сербина выступила как исследователь, в совершенстве владеющий мастерством источниковедческого анализа. Круг источников был чрезвычайно велик (один только Тихвинский фонд ЛОИИ СССР насчитывает 1500 книг и 30 000 актов). Для сопоставления ею использованы документы фондов Иверского и Александро-Свирского монастырей, а также документы ЦГАДА, ЦГИА, ГПБ. Изучены многочисленные разновидности документов — книги переписные, писцовые, жнитвенные, крупяные, ужинные, умолотные, пеньковые, огородные, лавочные, дворовые, пятинному хлебу, «збору десятой деньги», «збору рублевой пошлины» и др. Выявленные Ксенией Николаевной Тихвинские таможенные книги — одни из самых содержательных и интересных среди источников подобного рода — охватывают период с 1623 по 1702 г., приходо-расходные — с 1590 по 1698 г. Уникальная их сохранность позволила ученому сделать ряд ценнейших выводов по истории ремесла, торговли, возникновения всероссийского рынка. К. Н. Сербина подвергла эти книги тщательной статистической обработке, составила около сотни таблиц по неопубликованным архивным материалам, а затем дала полученным результатам соответствующее истолкование. Актовый материал, содержащий большое количество судебных дел, росписей, купчих,

договорных записей, позволил ей дополнить статистические данные, полученные на основании обработки книг, красочным материалом, освещающим все стороны жизни Тихвинского посада. Источниковедческий прием сочетания и дополнения материала книг и актов полностью себя оправдал. С. Н. Валк подчеркивал, что некоторые разновидности источников, используемые К. Н. Сербиной, совсем еще не изучены в литературе, — таковы, в частности, крупные книги. Интересны наблюдения К. Н. Сербиной относительно появления жнитвенных книг в 60-е годы XVII в. Анализ эволюции формуляров поручных и порядных записей позволил ей сделать наблюдения относительно усиления степени и форм феодальной зависимости в течение XVII в. В монографии разработана методика дипломатического анализа акта. С. Н. Валк указывал, что К. Н. Сербина расположила акты в хронологическом порядке и тщательно следила за изменением как их общего формуляра, так и отдельных формул.

Одной из первых в советской историографии взялась К. Н. Сербина за разработку генеалогии представителей трудящихся — ремесленников, торговых людей. На примерах судеб Плешановых, Самсоновых, Шпилькиных и др., прослеженных с конца XVI в. в 4—5 поколениях, исследуются в монографии общие социально-экономические процессы.

К. Н. Сербина проявила в пользовании сложным составом источников, говорил С. Н. Валк, весьма большое искусство, устраняя недостатки одних источников при помощи проверки их данными другого рода источников, а также при помощи и других средств критического их изучения. Богатство привлеченных для работы источников и должная критическая их проверка позволили К. Н. Сербиной написать исследование, давшее советской исторической науке ряд важных и ценных выводов. Книга заняла достойное место в советской историографии и является одним из основных исследований по истории русского города по сей день.

Продолжением работы по социально-экономической истории, начатой в 30-е годы, явились монографии К. Н. Сербиной «Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI—первой половины XIX в.» (Л., 1971) и «Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI—первой половины XIX в.» (Л., 1978). В монографиях прослежена история одной из важнейших отраслей промышленности на протяжении более трех веков. Широта хронологического охвата — черта, присущая работам Ксении Николаевны. Такой подход требует от исследователя высокой профессиональной подготовки — знания источников различных исторических эпох. Отсутствие монографических исследований на эту тему в предшествующей историографии объяснялось именно источниковедческими трудностями, в первую очередь тем, что не сохранились специальные источники массового характера. Ученому пришлось проделать чрезвычайно трудоемкую работу по выявлению и обработке документов.

К. Н. Сербина использовала паряду с обычными в ее работах таможенными, приходными, расходными, вкладными книгами материалы архивов центральных и местных учреждений (Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии, Комиссии о коммерции, Монастырского приказа, Оружейной палаты и т. д.), материалы воеводских и приказных изб, губернских и провппциальных канцелярий, городских магистратов, вотчинные архивы, а также анкеты и экономические примечания, топографические и камеральные описания отдельных наместничеств и губерний, записки русских и иностранных путешественников и ряд других источников, кончая материалами специальной комиссии 50-х годов XIX в. Монография отличается углубленная, чрезвычайно тщательная обработка архивных материалов, присущая всем ее работам, убедительность выводов, базирующихся на солидной фактической основе. Исследователь вскрывает многообразие жизненных явлений. Новое обоснование нашли вопросы взаимоотношений ремесла и сельского хозяйства, взаимоотношений ремесленника и скупщика, влияния правительства и феодальных владельцев на ремесленное производство, вопросы технологии и организации производства. В Центре «несмотря на неблагоприятные условия, промышленная деятельность крестьян, в том числе и в области железодельной промышленности, имела более сложный и прогрессивный характер, чем на Северо-Западе, где все процессы оказались как бы законсервированными и не изменялись в течение трех столетий»²³ — такой вывод следует из огромного фактического материала.

К каким же выводам можно прийти на основе обзора источниковедческой деятельности К. Н. Сербиной? На наш взгляд, основная черта Ксении Николаевны как источниковеда, пронизывающая все ее работы в области летописеведения, исторической географии, актологии и изучения других вспомогательных исторических дисциплин, — чуждая формализму концепция источника как средства для реконструкции реальной исторической действительности. Последовательное развитие лучших традиций передового советского источниковедения в работах и публикациях К. Н. Сербиной — одно из основных условий ее успехов в изучении истории русского города, промыслов, вопросов аграрной истории и других проблем русского феодализма. Органическое сочетание тонкого источниковедческого анализа с постановкой серьезных исторических проблем — характернейшая черта ее научного творчества, ее весомого вклада в отечественную историческую науку.

²³ Крестьянская железодельная промышленность Центральной России XVI—первой половины XIX в., с. 175.